

ФРАГМЕНТ «ЧЕЛОВЕК» В ЗООНИМИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА АРАБОВ И АВАРЦЕВ

Алиева Самая Азеровна

к.ф.н., доцент, Дагестанский государственный
университет (г. Махачкала)
samaya.alieva.00@mail.ru

Айгунова Суайдат Шайхмагомедовна

Дагестанский государственный университет (г.
Махачкала)
ajgunova99@mail.ru

A FRAGMENT OF "A MAN" IN THE ZOOONYMIC LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF ARABS AND AVARS

**S. Alieva
S. Aygunova**

Summary: The article is devoted to a comparative analysis of the representation of a person by zoonymic phraseological units based on the material of the Arabic and Avar languages. The integral and differential features of zoonyms as part of phraseological units are considered. The metaphorical characteristics of a person in Arabic and Avar languages are based on different qualities of real prototypes. Interlingual phraseological equivalence was not found. The analysis also showed that due to the deep difference in the linguistic vision of the world by the speakers of the Arabic and Avar languages, the same prototypical sign of an animal can cause different associations in different ethnic cultures.

Keywords: zoonym, integral and differential feature, metaphor, phraseological unit, phraseological lacuna.

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу репрезентации человека зоонимическими фразеологизмами на материале арабского и аварского языков. Рассмотрены интегральные и дифференциальные признаки зоонимов в составе фразеологических единиц. В основе метафорической характеристики человека в арабском и аварском языках лежат разные качества реальных прототипов. Не обнаружена межязыковая фразеологическая эквивалентность. Анализ также показал, что вследствие глубокого различия в языковом видении мира носителями арабского и аварского языков, один и тот же прототипический признак животного может вызывать различные ассоциации в разных этнических культурах.

Ключевые слова: зооним, интегральный и дифференциальный признак, метафора, фразеологизм, фразеологическая лакуна.

В последние годы сопоставительное описание языковой картины мира (ЯКМ) дагестанских, романогерманских и арабского языков получило широкое распространение и, как правило, в дагестанской филологии: П.М. Абдулкадырова [1], П.А. Абдулкаримов [2], Ф.Н. Алхасова [3], М.Г. Гаджиалиева [4], Н.Э. Гаджихмедов [5], М.А. Гасанова [6] и др. Однако материалы арабского и аварского языков применительно к зоонимической картине мира не исследовались. Поэтому обращение к репрезентации человека зоонимической фразеологией в рамках современного антропоцентризма представляется **актуальным** и поможет осветить степень влияния арабской культуры на аварский социум (не принимая во внимание единство веры).

Цель данной статьи – определение интегрального и дифференциального в зоонимической репрезентации человека в этническом сознании арабов и аварцев.

Материалом для исследования послужили данные лексикографических источников: фразеологических [7], [8], [9], двуязычных [10], [11] словарей арабского и аварского языков.

Для сопоставительного анализа были отобраны названия домашних животных как постоянно соприкасающихся с деятельностью человека: *конь/лошадь, собака,*

коза/козел, осел, курица и являющихся ключевыми словами в структуре зоонимической фразеологии сопоставляемых языков.

Конь/лошадь. Интегральным компонентом для арабского *جواد* «конь» и *чу* «конь» аварского языков является тот факт, что это животное вызывает у носителей этих языков положительную эмоцию, как таковую. Однако данная эмоциональная сущность находит свое выражение в структуре фразеологизмов как единиц языка, опирающихся на разные прототипические ситуации. Понятие «положительность эмоций» реализуется в различных значениях, которые дифференциальны на уровне языка.

В сознании арабов *حصان العرب حصوكهم* «Лошади арабов – их крепости» – устойчивое выражение, которое в аварском языке не отмечено. И, наоборот, для аварца обозначаемое животное – это *Кыли гьеч1еб чу г1адин* (букв. «как неоседланный конь»); «независимо, некорно». Фразеологизм, не зафиксированный в арабском языке. В обоих фразеологизмах речь идет о положительной эмотивности, но эта эмотивность разная: (конь – крепость араба и неоседланный конь – как символ независимости аварца).

Равным образом, эмотивность арабского выражения

ليسانك حصانك صين ليسانك صانك، خن لسانك خاتك

«Язык – твой конь: сбережешь его, он тебя сбережет, предашь его, он тебя предаст», где конь символизирует сдержанность на язык, отличается от эмотивности аварского фразеологизма *Хиялазулчода вук1ине* (букв. «быть на коне мечтаний»; «быть на крыльях мечты», т.е. эмотивность реализуется в разных значениях и ситуациях. *Чолбагыаб ра-г1и* (букв. «слово, стоящее коня»); «веское слово».

И для арабов, и для аварцев конь – символ верности слову, но прототипические ситуации, в которых этот конь (имеется в виду семема верности) реализуется, различны. И, следовательно, различны и значения, ассоциирующиеся с конем.

Даже одинаковые прототипические ситуации вызывают у арабов и аварцев различные эмоции, ср.:

لا بدّ للفرس من سوط و إن كان بعد السوط «Лошади необходим кнут, даже если она далека» и аварское *Лъик1аб чоецо ц1ал, лъик1ав чиясецо раг1и* (букв. «Хорошему коню – один удар, хорошему человеку – одно слово»). В обоих случаях конь символизирует человека, а «кнут/хлыст» — это строгость в случае арабского и понятливость в аварском языке. В обоих фразеологизмах одна и та же эмотивность реализуется различно, т.е. значения различны: одна и та же прототипическая основа реализуется в противоположных семемах.

При общей положительной коннотации семемы «конь» в сопоставляемых языках данное животное может быть и прототипом, который вызывает отрицательные эмоции. Однако и в этом случае ситуации, на которые опирается вербализация отрицательной оценки, не одинаковы, ср.: *اقتنع هنزيلين الفرس و المرأة* «Самая отвратительная худоба у лошади и у женщины» [12, с. 91]. *Чиярчода рек1ине* (букв. «На чужую лошадь сесть»); «повторять чужие слова».

Исследуемый материал не предоставил ни одного фразеологизма, опирающегося на одинаковую прототипическую ситуацию и имеющего одно и то же значение. Единственное, что является общим – это семема «конь» как обладающая единством положительных/отрицательных качеств, которые метафорически переносятся на человека, т.е. основой для сравнения является семема «конь» при различном ее восприятии в этническом сознании арабов и аварцев.

كلب «собака» в сопоставляемых языках выражает двуединство положительных и отрицательных характеристик. Для носителя аварского языка в лексеме *гъой* «собака» отражаются только отрицательные эмоции, что ситуативно присуще и арабскому языку. Однако в исследуемом материале не обнаружено ни одного фразеологизма, в котором совпадала бы фразеологическая семан-

тика сопоставляемых языков.

Интегральным признаком является сама семема «собака» в функции ключевого слова, служащего для кодификации ситуативно-положительных/отрицательных качеств, которые метафорически переносятся на человека в арабской этничности и отрицательных эмоций в случае аварского социума. Это свидетельствует о том, что в арабской и аварской этнических картинах мира понятие «собака» занимает разные морально-этические ниши. Одинаковые или приблизительно одинаковые качества, присущие собаке, в языковых картинах мира арабов и аварцев не совпадают. Например, прожорливость собаки в арабском языке кодифицирована как *الهم من الكلب* «прожорливее, чем собака», а в аварском языке *Балканалда т1ад гъаби г1адин* (букв. «как собаки над падалью»); это свидетельствует о различиях в языковых картинах мира, а в нашем случае это применимо и к прожорливости человека, что выражено анималистической метафорой, ср. также: *اشهى من البه حومل* «Более сильный аппетит, чем у собаки Хаумали». Хаумали – это арабка, которая морила голодом свою собаку [12, с. 71].

اڨيس *ц1ц1е* «козел, коза». В экстралингвистической реальности козел/коза как домашнее животное одинаковы и в арабском, и в аварском социумах. Однако в языковых картинах мира этих этносов они различны – и коза и козел одинаково боятся волка. Но в арабской этничности козел символизирует *глупость*: *تيس! إ كما فقيرة! لماذا تتزوج بما؟* «Козел (глупец)! Она же нищая! Зачем ты женишься на ней?». Здесь прослеживается отрицательная коннотация применительно к человеку. В данном случае сема «животное» отходит на второй план.

В аварской этничности *ц1ц1е* «коза» символизирует *страх, боязнь*: *Бац1 бихьидал ц1ц1е г1адин* (букв. «как коза, увидевшая волка»); «испуганно, трусливо». Приведенная ситуация «как коза, увидевшая волка» свидетельствует о том, что подобное чувство страха возникает у этого животного. Однако арабская метафора обозначает глупость, а в аварской этничности – это страх. Применительно к метафорически выраженной семеме «глупец» аварцы вместо лексемы «козел» предпочли бы слово *х1ама* «осел». Вполне естественна: вербализация, аналогичная арабскому со словом *اڨيس* «козел», аварская синтагма *«Эй, осел (глупец)! Зачем ты на ней женишься?»*. Однако это возможная вербализация, но такие фразеологизмы в аварском языке со словом *ц1ц1е* «коза» не отмечены.

خمار *х1ама* «осел»: онтология осла, как малополезного в хозяйстве животного, одинакова от природы в обоих языках и чаще всего выступает в функции носителя плохих ментальных способностей. Кодифика-

ция глупости через метафорическую актуализацию семемы «осел» присуща обоим сопоставляемым языкам, ср.: جاء بقرني حمار (букв. «пришел с рогами осла»); «сказал чепуху» и X1аида кеч1 г1адин (букв. «Как осел в стихах»); «разбираться как свинья в апельсинах», но понятийная ментальная сущность «глупость» одинакова. Однако в сознании арабов значение «глупость» связывается с «рогами осла», т.е. с тем, чего в реальности не существует, поэтому глупо. В аварском этническом сознании семема глупость преподнесена как (разбираться) в чем-либо как осел в стихах, что тоже является вербализацией понятия «глупость». Внутренняя форма семемы «глупость» в арабском и аварском языках различна, ибо ее концептуализация и, соответственно, значение опирается на различные прототипы – на рога осла, чего не существует и (осла), разбирающегося в стихах, его также не бывает. Здесь имеет место антитеза: способности приписываются реалиям, которые уже от природы не могут быть носителями ума.

Остальной фразеологический материал включает семему «осел» как ключевое слово при отсутствии связи между семантикой фразеологических единиц, они сопоставимы, но не сравнимы, или лакунарны в одном из сопоставляемых языков, ср.: سواسية كأسنان الحمير (букв. ровные, как зубы у осла); «не видеть разницы в чем-либо» при отсутствии аналога с компонентом х1ама «осел» в аварском языке. Ср. также: لو كان العام بالضرب لدخل الحمار ركلية الطب «Если бы знания можно было бы получить кнутом, то осел давно стал бы врачом» при отсутствии такого выражения в аварском языке. И, наоборот, аварское X1аида к1ерт г1адин бихъизе (букв. «видеть, как осел (своего) осленка»); «быть о себе высокого мнения», что не отмечено в корпусе фразеологизмов арабского языка. Ср. также: X1амил рач1аль чаргъедукквезе (букв. «ослиным хвостом поймать сороку»); «повезти, привалить (о неожиданном счастье)», что не присуще фразеологизмам арабского языка.

دجاجة \ г1анк1у «курица». Эта домашняя птица в зна-

чении «наседка» (при единстве прототипической ситуации) по-разному отразилась в этнической психологии арабов и аварцев. Для араба курица-наседка – это «любвеобильная мать»: اعطف من ام احدى و عشرين «любвеобильнее матери двадцати одного птенца». هي الدجاجة. لأنها تحبين جميع فراخها و توفق كلها و ان مات احد من تبيض اقيم فيها «Это курица. И она высиживает всех своих птенцов. Кормит их. А если кто погибает, то ясно видна ее печаль» [12, с. 87].

В этническом сознании аварца курица-наседка в той же экстралингвистической ситуации – высиживания цыплят – ассоциируется с терпеливостью и постоянством, ср.: Ханазда т1ад к1усараб г1анк1у г1адин (букв. «как курица, сидящая на яйцах»); «постоянно; терпеливо». Как показывает сопоставление приведенных устойчивых сочетаний слов: одна и та же экстралингвистическая ситуация курица-наседка на яйцах – это терпение и постоянство для аварца и любвеобильная мать для араба.

دجاجة в сочетании с прилагательным خور «слабый» دجاجة خورة «слабая курица» отложилась в этническом сознании арабов в образе, передаваемом русским эквивалентом «мокрая курица». Применительно к корпусу орнитонимических фразеологизмов аварского языка это является лакуной, что свидетельствует о различной языковой картине мира.

Как следует из проведенного анализа зоонимической ЯКМ в арабском и аварском языках, одни и те же зоонимы обладают одинаковыми или приблизительно одинаковыми потенциями метафорической репрезентации человека. Однако в основе метафорической характеристики лежат разные качества реальных прототипов. Не отмечен ни один случай межъязыковой фразеологической эквивалентности. Более того, один и тот же прототипический признак животного может вызывать различные ассоциации в этнических культурах арабов и аварцев. Это свидетельствует и о глубоком различии в языковом видении мира носителями арабского и аварского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулкадырова П.М. Компаративные фразеологические единицы даргинского языка в сопоставлении с английским языком: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2011 – 134 с.
2. Абдулкаримова П.А. Фразеологические и паремиологические единицы эмотивной семантики с компонентом – зоонимом в аварском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2012. – 185 с.
3. Алхасова Ф.Н. Структурно-семантическая характеристика эмоциональных концептов в лезгинском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2010. – 23 с.
4. Гаджиалиева М.Г. Фрагмент «человек» в зоонимической картине мира в языках различных типологий (на материале даргинского, английского и арабского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2017. – 202с.
5. Гаджихмедов Н.Э. Роль этноязыкового фактора в этническом сознании в поликультурной ситуации Дагестана //Контентивная типология естественных

- языков. Материалы международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2007. – С. 9-12.
6. Гасанова М.А. «Волк и собака» в табасаранской паремиологической картине мира // Вестник ДГУ. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2012. – №3. – С. 54-57.
 7. Магомедханов М.М. Аварско-русский фразеологический словарь – М.: Русский язык, 1993. – 409 с.
 8. Фавзи А.М., Шкляров В.Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1989. – 614 с.
 9. Капшук А.В., Аби Джабер Дж. Арабско-русский словарь идиоматических выражений. Справочник переводчика. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 456 с.
 10. Саидов М.Д. Аварско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 806 с.
 11. Борисов В.М. Русско-арабский словарь – М.: Русский язык, 1993. – 1136 с.
 12. Аль – Майдани, Ахмад ибн Мухаммад. Сборник арабских пословиц и поговорок. В 2-х томах: Дар аль – фикр, 1972. – 908 с. (на арабском языке).

© Алиева Самая Азеровна (samaya.alieva.00@mail.ru), Айгунова Суайдат Шайихмагомедовна (ajgunova99@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный университет